

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ЖЕНЩИНЫ И НАСИЛИЕ»

16 мая 2007 г. в Москве состоялся международный семинар «Женщины и насилие», организованный Интерцентром Московской высшей школы социальных и экономических наук и Фондом Розы Люксембург (ФРГ). География семинара включала участников из России, Германии, Швейцарии, Гватемалы. Встретились специалисты, работающие в дисциплинарных сферах социологии, философии, политологии, истории, юриспруденции, представители женских общественных организаций. В семинаре приняли участие руководители Московского представительства Фонда Розы Люксембург Петер Линке и Владимир Фоменко, директор Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центр») д. филос. н. Л.Д. Гудков, представители Института социологии РАН, Российского университета дружбы народов, других научных и образовательных учреждений Москвы.

Предметом обсуждения стали вопросы социальной политики, результаты эмпирических исследований и теоретических разработок, связанные с проблематикой насилия против женщин. Тема семинара актуальна для России, хотя в общественном сознании она не достаточно артикулирована. Острота проблемной социальной ситуации, которую вполне осознают ученые-обществоведы, на сегодняшний день заключается в следующем: в слабом осмыслении проблемы насилия против женщин на уровне общественного мнения и как социальной проблемы; в отсутствии налаженного статистического учета случаев семейного насилия; в отсутствии комплексных научных исследований, которые позволили бы оценить реальную ситуацию и выработать стратегию борьбы с этим явлением; в упрощенном и неполном понимании данного феномена (главным образом как сексуального или физического насилия); в отсутствии профилактических мер в борьбе с насилием против женщин.

Содержательно семинар вышел за границы заявленной темы, поскольку на нем обсуждались и факторы насилия в молодежной среде, экономические, политические проблемы молодежи, исторические феномены, связанные с проблематикой насилия, — такие как «бабий бунт» или феномен женщин-террористок.

Семинар включил три тематических блока: «Результаты последних социологических исследований», «Современные проблемы насилия в мире женщин» и «Исторические аспекты проблемы насилия». Коротко остановимся на содержании каждого из них.

В первом тематическом блоке, посвященном результатам социологических исследований, прозвучали доклады «Понятие насилия в исследованиях российского общества» (к. социол. н. *И. Троцук*, «Интерцентр»), «Молодежь и политика в результатах социологических опросов» (*Н. Зоркая*, «Левада-Центр»), «Экономические установки молодежи: гендерное и региональное измерения» (*М. Рассохина*, «Интерцентр»), «Аномия как фактор насилия в молодежной среде» (*М. Гредель*, Швейцарская академия развития). Докладчики представили анализ результатов репрезентативных всероссийских опросов молодежи, проведенных совместно Аналитическим центром Юрия Левады, а также совместного

опроса этого центра, Фонда Розы Люксембург и Швейцарской академии развития, проведенного в ноябре 2006 г.

Один из наиболее интересных результатов этого блока состоит в том, что установлено амбивалентное отношение молодежи к экономической и политической ситуации, насилию в стране, важную роль в формировании которого играют средства массовой информации. На уровне «объективных данных», то есть данных, касающихся отношения к политической, экономической ситуации, насилия и преступности, оценки имеют значительно более отрицательный характер, чем на уровне «субъективных данных», которые связаны с личным опытом опрошенных, их ближайшим окружением. *И. Троцук* сделала вывод, что на самом деле все в жизни молодежи обстоит несколько лучше, чем хотелось бы показать средствам массовой информации, влияние которых обнаруживается в ответах респондентов. Правда, оптимистическое отношение к жизни чаще всего проявляет молодежь крупных городов России.

Н. Зоркая обратила внимание на негативную оценку молодежи всей политической сферы, высокий уровень недоверия к политике, политикам и партиям, низкую готовность участия в политической деятельности. Позиция молодежи по отношению к политике оценивается как позиция пассивного, стороннего, хотя и информированного, наблюдателя. Со временем даже и она ослабевает, как показало сравнение с данными 2002 г. Молодежь отмечает произвол властей, высокую степень контроля над всеми сферами жизни. Почти 40% опрошенных молодых людей одобряют авторитарные тенденции, указывают на необходимость «сильной руки». Вместе с тем отмечается противоречивое сочетание недоверия к политическим устоям и удовлетворенности жизнью. Усиливаются антизападные и традиционалистско-патриотические настроения, возрождается советское сознание «осажденной крепости» (до 60% молодежи отмечает большое количество внешних врагов). Прослеживается негативное отношение молодежи к участию в каких-либо фашиствующих партиях и вместе с этим — к «нерусским».

М. Рассохина представила результаты социально-экономического исследования молодежи, проведенного в ноябре 2006 г. В выступлении анализировались гендерные и региональные (на примере России и Южного Федерального округа (ЮФО) различия в поведенческих стратегиях и установках российской молодежи, выявленные в ходе опроса по репрезентативной национальной выборке и выборке по указанному округу. Исследовались три блока: оценка молодежью собственной социально-экономической ситуации, оценка собственных перспектив и представление о слагаемых личного успеха. Основными проблемами молодежь считает пьянство и наркоманию, экономическими проблемами — необходимость зарабатывать, безработицу, бесперспективность жизни в городе (селе), невозможность уехать. Женщины оценивают свое благосостояние хуже, чем мужчины. Показатель удовлетворенности социально-экономическим уровнем жизни в ЮФО в целом ниже, чем по России. Удовлетворенность возможностью заработать или открыть собственное дело и для мужчин, и для женщин в ЮФО ниже, чем по России в целом, а уровень безработицы, по оценкам опрошенных, здесь выше. Свои экономические перспективы жители ЮФО оценивают более пессимистично,

чем в целом по России. Такой пессимизм более свойственен женщинам, нежели мужчинам, что, по мнению Рассохиной, может быть связано со стереотипом мускулинности, не позволяющим мужчинам признаваться в своих слабостях. Региональных различий в оценке экономических перспектив в данном исследовании не обнаружено. Стратегию своего жизненного успеха молодежь обоих полов и в целом по России, и в ЮФО связывает с наличием нужных знакомств, с упорным трудом, талантом и образованием. Мужчины чаще, чем женщины, включают в этот перечень «умение идти напролом, добиваться своих целей любой ценой». Жители ЮФО придают большое значение происхождению из богатой семьи, удачному браку. Среди популярных стратегий занятости для всех опрошенных наиболее важная — организация собственного дела, а для населения ЮФО также — возможность выехать на работу за рубеж.

Мирей Гредель в своем докладе остановилась на теоретическом анализе понятия «аномия», а затем рассмотрела зависимость между различными видами аномии и уровнем насилия в молодежной среде. Она подчеркнула, что нарушение социальных норм является фактором, повышающим уровень насилия среди молодежи.

Участники тематического блока «Современные проблемы насилия в мире женщин» выступили со следующими докладами: «Социальное конструирование концепта “насилие” — источник сексизма?» (к. психол. н. *В.Р. Шмидт, МВШСЭН*), «Проблемы дискриминации женщин в сфере труда» (*Ю. Шерашова, Центр социально-трудовых прав*), «Насилие над женщинами из групп особого риска» (*Т. Казанцева, Фонд PSI*), «Личный опыт насилия и пути его осмысления (на примере несовершеннолетних осужденных)» (*В.Н. Шмидт, МВШСЭН*).

В.Р. Шмидт изложила точку зрения, сложившуюся в результате практической работы с осужденными, согласно которой теоретически сконструированный концепт «насилие» является источником сексизма. Докладчик ввела термин «дискриминационная нестерильность» исследования, обозначающий ситуацию, когда академическая работа формирует некую установку, которая в повседневной практике специалистов или обычных людей превращается в дискриминационное отношение и определенный стигматизирующий стереотип. Докладчик уделила внимание академическим установкам, касающимся насилия, и их трансформации в обыденном сознании, которые позволяют говорить о том, что конструирование этого понятия становится источником сексизма и дискриминации в целом. В частности, это установка на то, что опыт насилия остается с человеком навсегда, проявляясь в стиле его поведения, образе жизни и т. д.; криминально-психологическая концепция о виктимном поведении (не всякий человек становится жертвой насилия, а только тот, кто характеризуется определенными свойствами и типом поведения в обществе, называемым виктимным); психологическая идея, что люди, совершающие насилия, часто сами в детстве были объектами насилия; юридическая установка, что критерии распознавания насилия достаточно сложны и неопределенны, отсюда сложность стандартизации насилия в правовых документах, и др. Все эти теоретические установки

взаимодействуют не только друг с другом, но и с гендерными установками, порождая сексизм. Все они стигматизируют людей, переживших насилие, как в сознании и поведении специалистов, так и в общественном сознании, повседневной жизни. В.Р. Шмидт сформулировала идеи, позволяющие избежать дискриминационного эффекта, порождаемого научными исследованиями. Одна из таких идей — это несвязывание насильственного поведения с какими-либо социальными группами. Этот принцип вошел в некое противоречие с докладом *Т. Казанцевой*, которая проанализировала обширный материал, касающийся насилия над женщинами, занимающимися проституцией.

На проблемах дискриминации женщин в сфере труда остановилась *Ю. Шерашова*. В частности она проанализировала нормативно-правовые документы, отражающие трудовое законодательство, и выявила пробелы в регулировании женской занятости. В частности, докладчик остановилась на проблемах оплаты труда женщин, женской безработице, вредных условиях труда, пособиях и отпусках по беременности и родам и уходу за детьми, а также инвалидами детства, проблемах пенсионного обеспечения женщин.

Паола Гонсалес в своем докладе рассмотрела вопросы сексуального насилия в Гватемале в период гражданской войны, а также работу общественных организаций с женщинами, пережившими насилие, направленную на их реабилитацию в общественном мнении, снижение уровня стигматизации, восстановление самоуважения.

В.Н. Шмидт рассказала об исследовании личного опыта насилия на примере несовершеннолетних осужденных. В основе этой работы лежала созданная Шмидт и ее коллегами шкала потребностей, включающая характеристики семьи подростка, его жилищные условия, потребности образования, выбор профессии, условия охраны здоровья и оценку статуса (наличие свидетельства о рождении, паспорта, гражданства, регистрации по месту жительства). Исследователи исходили из того, что нарушение каких-либо звеньев в данной шкале прав и потребностей приводит к неблагоприятию в жизни подростка, его девиантному поведению. Хотя они в полной мере отдают отчет в том, что такая шкала не дает возможности определить истинные причины подросткового насилия. Свой подход Шмидт продемонстрировала на ряде жизненных ситуаций, связанных с личным опытом насилия, совершенного подростками.

В блоке «Исторические аспекты проблемы насилия» прозвучали следующие доклады: «Социальное насилие в прошлом и настоящем» (д. филос. н., профессор *А. Назаретян*, *Институт востоковедения*), «Сексуальное насилие над женщинами в гражданской войне» (*П. Гонсалес*, *Национальный совет женщин Гватемалы*), «Феномен женщин-террористок в России и за рубежом» (*О. Жукова*, *РУДН*), «Бабий бунт: осмысленный и милосердный», (к. социол. н. *А. Никулин*, *Интерцентр*).

А. Назаретян показал панораму исторических трансформаций социального насилия. Главная идея заключалась в констатации того, что уровень насилия в мире значительно уменьшился, если рассматривать сравнительно-историческую ретроспективу. Он начал «историю насилия» с анализа «Домостроя», подчеркнув, что это был не самый страшный документ по сравнению с аналогичными западными. Смерть ребенка нигде в традиционных

культурах не вызывала отчаяния, но, напротив, считалась способом придания дому устойчивости и благополучия. Ситуация изменилась только к концу XVIII века.

Назаретян подчеркнул, что если рассмотреть достаточно крупную социальную общность за достаточно длительный промежуток времени, то станет очевидно, что наибольшее количество насильственных действий присуще бытовым отношениям, а не, например, военным, как может казаться.

Чтобы реально бороться с современным уровнем насилия, по мнению докладчика, надо строить борьбу не на расхожих мифах о росте насилия в мире, а на реалистической оценке его исторической динамики. Назаретян подчеркнул, что в современном мире уровень насилия небывало мал по сравнению с исторической ретроспективой. По данным Всемирной организации здравоохранения, число убийств в современном мире значительно уступает числу самоубийств. Эта ситуация беспрецедентна для истории. Преувеличение современного уровня насилия в мире докладчик связал с феноменом ретроспективной аберрации, то есть завышением ожиданий по отношению к улучшающейся ситуации, когда сквозь призму этих ожиданий ситуация представляется хуже, чем есть на самом деле. Назаретян также отметил снижение порога чувствительности к насилию в современном обществе, историческую изменчивость рассматриваемого понятия. Однако в XXI веке, по его мнению, ситуация социального насилия обострилась из-за появления новых технологий и отсутствия должного контроля над ними.

О. Жукова остановилась на феномене женского терроризма, проследив историю вопроса в России: покушение Веры Засулич на жизнь генерала Трепова (1878 г.), далее деятельность женщин-террористок из «Народной воли», Софьи Перовской, Фанни Каплан, Веры Фигнер и др. Докладчик рассказала также о женском терроризме в Германии, Японии и других странах. Анализируя данный феномен, Жукова сослалась на серию западных исследований 1960-1970 гг., подтверждающих, что для здоровой женщины убивать неприемлемо. Среди психологических факторов женского терроризма докладчик отметила личную неуверенность, агрессивность, нарциссизм, протестное поведение, эмансипацию и феминизм, психические заболевания (например, тяга к смерти).

В заключительном докладе конференции *А.Н. Никулин* выступил с идеей плодотворности женского ненасилия, которое проявило себя в «бабьих бунтах» крестьянок в период коллективизации. По его мнению, «бабьи бунты» спасли крестьянское хозяйство от окончательного вымирания, поскольку именно благодаря им советская власть скорректировала свой политический курс в отношении крестьянства. В 1934 г. на I съезде колхозников-ударников Сталин зафиксировал этот факт. Женские бунты 1929-1934 гг. были направлены против обобществления домашнего быта, против гонений на духовенство. Если женский бунт, более спонтанный, эмоциональный, но менее кровавый, чем неженский, не заканчивался успехом, то он переходил в бунт «бессмысленный и беспощадный».

Л.А. Козлова,
кандидат философских наук